

ИСТОРИЯ ПОМЕСТНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ

ИЗ 1920 ГОДА В СТАТЬЯХ Э. ЛУКАРАСА

Священник Павел Ермилов
/ Павел Валерьевич Ермилов

кандидат исторических наук
заведующий лабораторией исследований церковных институций
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
115184, Российская Федерация, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23-5а
pavel_ermilov@mail.ru

Для цитирования: *Ермилов П., свящ.* Взгляд в будущее Константинопольской Церкви из 1920 года в статьях Э. Лукараса // Богословский вестник. 2024. № 1 (52). С. 186–213. DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.010

Аннотация

УДК 341 (2-67) (271.2)

Цель статьи — показать, что систематическое оформление теории о вселенском первенстве и особых правах Константинопольского Патриарха на общецерковном уровне действительно началось в 1920-е гг. Связано это было не столько с деятельностью тех или иных персоналий, сколько с грандиозными историческими переменами, знаменовавшими собой начало нового периода в жизни всей Православной Церкви и сделавшими наконец возможной реализацию идей, которые несомненно высказывались и на более ранних этапах. Дополнительное подтверждение верности подобной периодизации можно найти в череде небольших заметок Эммануила Лукараса, выходявших в рассматриваемое время на страницах официальной церковной периодики. Данная статья сопровождается публикацией перевода четырёх наиболее важных текстов греческого автора, который, апеллируя к меняющейся исторической ситуации, предлагает свой проект превращения Константинопольского Патриархата в административный центр Православной Церкви, рассуждает о той модели, в рамках которой должна оформиться будущая роль Вселенского патриарха, а также о тех функциях и правах, которые будут сопряжены с его новым положением. Многие из описанного греческим богословом в дальнейшем осуществилось на практике. Появление данных публикаций вполне

можно рассматривать в качестве своеобразной точки отсчёта в истории развития претензий Константинопольского патриарха на особую роль в Православной Церкви.

Ключевые слова: Церковь и международное право, экуменическое движение, интернационализация Константинополя, центр Православной Церкви, административное единство, первенство в Церкви, Церковь как федерация, православный Ватикан, Церковь и нация, эллинизм и христианство.

A Glimpse into the Future of the Church of Constantinople from 1920 in the Articles of E. Loukaras

Priest Pavel Ermilov / Pavel V. Ermilov

PhD in Historical Sciences

head of the Ecclesiastical Institutions Research Laboratory at the St. Tikhon's Orthodox University

23-5a Novokuznetskaya st., Moscow, 115184, Russian Federation

pavel_ermilov@mail.ru

For citation: Ermilov, Pavel, priest. "A Glimpse into the Future of the Church of Constantinople from 1920 in the Articles of E. Loukaras". *Theological Herald*, no. 1 (52), 2024, pp. 186–213 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.010

Abstract. The author's aim is to show that the systematic formulation of the theory of the ecumenical primacy and special rights of the Patriarch of Constantinople at the church-wide level really began in the 1920s. This is connected not so much with the activities of certain personalities as with the tremendous historical changes that marked the beginning of a new epoch in the life of the entire Orthodox Church and finally made possible the realization of the ideas that had undoubtedly been expressed at earlier stages. A series of small notes by Emmanuel Loukaras, which appeared in the official church periodicals, further confirm the correctness of such a periodization. This article is accompanied by a translation of four of the most important texts of the Greek author, who, appealing to the changing historical situation, proposes his project of transforming the Patriarchate of Constantinople into the administrative center of the Orthodox Church, discusses the model within which the future role of the Ecumenical Patriarch should be formed, as well as the functions and rights that will be associated with its new position. Much of what he described was later actualized in practice. The publication of these essays may well be regarded as a kind of starting point in the history of the development of the claims of the Patriarch of Constantinople to a special role in the Orthodox Church.

Keywords: Church and international law, ecumenical movement, internationalization of Constantinople, the center of the Orthodox Church, administrative unity, primacy in the Church, the Church as a federation, the Orthodox Vatican, the Church and the nation, Hellenism and Christianity.

В отечественной богословской литературе возникновение теории о вселенском первенстве Константинопольской кафедры и её предстоятеля устойчиво датируется 1920-ми гг. Но как это бывает почти с любыми стереотипами, их очень скоро начинают сопровождать множественным оговорками, затем корректировать, а потом и опровергать. То же самое происходит и сейчас, когда начало распространения взглядов о «первенствующем и преобладающем положении» (греч. «πρωτεύουσα καὶ προεξάρχουσα θέσις») Константинопольского патриарха в масштабах всей Православной Церкви связали с личностью и временем патриарха Мелетия Метаксакиса (1921–1923 гг.) и его ближайших преемников на кафедре. Всё чаще высказывается тезис о том, что взгляды, воспринимаемые сегодня в качестве спорных, можно проследить и на более ранних этапах, вплоть до Византийской эпохи. С этим, разумеется, нельзя не согласиться; более того, все подобные наблюдения являются чрезвычайно важными для понимания генезиса текущей ситуации и пафоса, стоящего за позицией Константинопольской Церкви, представители которой при отстаивании своих прав последовательно апеллируют к неким «многовековым преданиям» и «длительной церковной практике». Вместе с тем между временем патриарха Мелетия IV и предшествующими столетиями присутствует ощутимая разница, состоящая в том, что выявляемые то тут, то там высказывания об особых правах и функциях Церкви, первопрестольной в православии, не сопровождались тогда же выстраиванием соответствующей системы и тем более подведением под неё необходимой богословской базы, что было в то время решительно невозможно на фоне острой антилатинской полемики. Систематическое оформление теории вселенского первенства начинается именно в 1920-е гг. — с этим трудно поспорить и это легко подтверждается историческим материалом. А вот создание богословского обоснования тех же взглядов приходится на ещё более позднее время, которое, как мы считаем, гораздо ближе примыкает к сегодняшнему дню, нежели к началу XX в. Неслучайно сами апологеты прав Константинопольского Патриархата до сих пор не смогли предъявить сколь бы то ни было убедительных доказательств существования отстаиваемого ими «предания» и тем более его общецерковного признания. По всей видимости, они сами хорошо понимают, что набор любых эпизодов из истории межцерковных отношений и чьих-то разрозненных высказываний не получится представить в виде целостной картины.

Важным свидетельством в пользу высказанных нами утверждений являются статьи Э. Лукараса, вышедшие на страницах официальных изданий Александрийского, а затем и Константинопольского Патриархатов в 1920 г., то есть в самом начале интересующего нас периода. Эти рубежные тексты дают возможность увидеть, каким представлялось положение Константинопольской кафедры, стоявшей на пороге грандиозных исторических перемен, в глазах современника тех событий. Но прежде, чем показать, в чём ценность и значение этих исторических документов, несколько слов следует сказать об их авторе.

Эммануил Лукарас родом с острова Крит. Богословское образование получил в школе Святого Креста в Иерусалиме, находясь под попечением секретаря Иерусалимского Патриархата архимандрита Фотия Пероглу, ставшего впоследствии Александрийским патриархом (1900–1925 гг.). Окончив обучение, молодой человек проходил разные административные послушания в Александрийском Патриархате, затем отправился в Швейцарию для получения университетского образования в области права, политических и социальных наук. После выпуска из университета, по всей видимости Женевского, одно время он работал в управлении по делам образования и религий на Крите, но затем снова вернулся в Женеву, где получил профессорскую должность по кафедре новогреческого языка в университете (его последующие публикации в греческой печати будут сопровождаться соответствующим указанием: Э. Лукарас, профессор). Находясь в Европе, он неоднократно участвовал в различных экуменических мероприятиях в качестве официального представителя Александрийского и Константинопольского Патриархатов. Впоследствии был приглашён по линии греческого правительства участвовать в организации на Крите системы поддержки беженцев и переселенцев. Находясь по долгу службы в Ретимноне, Э. Лукарас трагически погиб в ночь с 12 на 13 декабря 1924 г. в результате несчастного случая¹. В некрологе ираклионской «Новой газеты» сообщалось, что «вся сорокалетняя жизнь» покойного была посвящена «непрерывному изучению религиозных, социальных и политических доктрин», из чего можно заключить, что скончался он, едва достигнув зрелого возраста. В другом некрологе, помещённом в официальном издании Александрийского Патриархата, отмечалось:

1 См.: *Θλιβερὰ εἰδήσις. Ὁ θάνατος τοῦ Ἐ. Λουκαῶ* // *Νέα ἐφημερίς. Καθημερινή. Ἐν Ἡρακλείῳ*. 14 Δεκεμβρίου 1924. Σ. 2; *Τραγικὸς θάνατος ἀνωτέρου ὑπαλλήλου* // *Δημοκρατία. Ῥεθύμνον*. 14 Δεκεμβρίου 1924. Σ. 3.

«По всем церковным дискуссиям, а именно: вокруг обсуждающихся реформ, вокруг дел Иерусалимской Церкви и общецерковных — им написаны блестящие работы, ознакомиться с которыми, без сомнения, следует всякому, кто занимается церковной проблематикой»².

Действительно, публикации Э. Лукараса в религиозной периодике хорошо известны, и к некоторым из них (а их встречается около двух десятков, не считая статей в газетах) уже не раз обращались исследователи. Нами были выбраны четыре его статьи, написанные примерно в одно и то же время, объединённые общей темой и имеющие множественные пересечения, вплоть до буквальных совпадений. Все они вышли в течение одного 1920 г. на страницах официальных журналов Александрийской Церкви «Пантен» и Константинопольской — «Церковная истина». Речь идёт о следующих текстах:

- 1) «Значение избрания Вселенского патриарха» («Пантен», 10 января),
- 2) «Константинополь — центр Православия» («Церковная истина», 31 октября),
- 3) «Федерация православных Церквей» («Пантен», 31 июля; «Церковная истина», 14 ноября).
- 4) «Какова роль будущего Вселенского Патриархата» («Пантен», 24 июля; «Церковная истина», 21 ноября).

Последние три статьи вышли в несколько странном порядке. Первой по времени была опубликована завершающая цикл статья «Какова роль будущего Вселенского Патриархата», а в самом её начале анонсировались две другие, по содержанию предшествовавшие ей. Причём статья «Константинополь — центр Православия» так и не вышла в журнале «Пантен». Можно предположить, что причиной стало заключение 10 августа Севрского мирного договора, который фиксировал совсем другую политическую ситуацию, нежели та, из которой исходил Лукарас³. Правильный порядок публикации был выдержан в «Церковной истине», где все три статьи, включая и неопубликованную в «Пантене», вышли в логической последовательности.

Рассматриваемые тексты были созданы в особый исторический момент. Сам автор пишет: «Нынешние обстоятельства чрезвычайны,

2 † Εμμανουήλ Λουκαράς // Πάνταινος. 1924. Τόμ. 16. Αριθ. 51. 20 Δεκεμβρίου. Σ. 874.

3 Согласно договору, Константинополь оставался под властью султанского правительства, что перечёркивало все разговоры о «политических переменах» и «будущей международной роли» города.

и мы находимся на пороге исторических перемен». Имелось в виду грядущее определение великими державами политического статуса столицы османского государства, от чего напрямую зависело будущее Константинопольской Церкви. Другой действующей силой, влиявшей на участь Патриархата, было греческое государство. В первой статье «Значение избрания Вселенского патриарха» видно, как Э. Лукарас полемизирует с вынашивавшейся в то время идеей объединения Церквей Греческого королевства и Константинопольской. Однако автора беспокоили отнюдь не только проблемы греческой нации и греческого православия. Горизонт его мысли включал и стремительно развивающееся экуменическое движение, не только свидетелем, но и участником которого он лично являлся, а также набирающий силу диалог с Англиканской Церковью, модернистские церковные реформы, которым он, как кажется, вполне симпатизировал, переживание острой необходимости слаженного всеправославного действия и организованного лоббирования интересов православных народов на международной арене, гнетущую его «дезорганизацию» и пассивность православия, которую он обозначает как «безучастность» или даже как «безвестное отсутствие» (греч. «ἀφάνεια») на политической арене. Таким образом, статьи Э. Лукараса, воспринимаемые как определённый слепок его эпохи, хорошо передают дух времени и тот контекст, в котором зрели высказываемые автором взгляды.

Не станем обращать внимание на бросающийся в глаза эгалитаризм и даже некий церковный расизм, пронизывающий рассуждения автора. Всё же он писал для внутренней аудитории. И хотя его высказывания о греках как «создателях» (греч. «δημιουργοί»), «обладателях» (греч. «κάτοχοι») и «распорядителях» (греч. «διαχειρισταί») Православной Церкви, мягко говоря, удивляют, вовсе не Лукарас является их изобретателем. Подобные представления оформились в греческой историографии задолго до рассматриваемого времени благодаря трудам К. Папарригопулоса (1815–1891 гг.), С. Забелиоса (1815–1881 гг.) и их единомышленников. В данном случае Э. Лукарас выступает всего лишь в качестве проводника общепринятых к тому времени взглядов, а потому не подлежит особой критике. Интересно явное отмежевание автора от национального греческого проекта и глубокая убежденность в том, что в обстоятельствах времени ставку надо делать на наднациональные и международные проекты. Можно также обратить внимание на то, что Э. Лукарас жил и писал свои статьи в Женеве, которая в те годы была не только центром экуменической активности,

но и месторасположением штаб-квартиры недавно учреждённой Лиги Наций. Опыт этой международной организации, несомненно, вдохновлял греческого автора и прямо прилагался к предлагаемой им системе межправославных отношений.

В разбираемых текстах Э. Лукарас старательно делает вид, что не мыслит как богослов, а рассуждает скорее в русле своей университетской специализации. Но, внешне следуя чисто административной логике, он нехотя воспроизводит привычную католическую аргументацию. Автор, собственно, и не скрывает, что вдохновляется опытом католицизма, постоянно ставя его в пример Православной Церкви. В усвоении католического способа мысли автор идёт гораздо дальше, используя привычные латинские клише («единства православия не существует» и «как может возникнуть единство православия без центра, без некой главы?»), а также не менее характерные образы «видимой главы» и «общего связующего звена» всей Церкви, полемика с которыми велась в греческом богословии на протяжении нескольких столетий.

Э. Лукарас много рассуждает о необходимости административного лидерства и создания административного центра в Церкви, но при этом он совершенно игнорирует всякую идею коллегиального управления, которая к тому времени оформилась в греческом богословии и одновременно реализовывалась в политическом опыте Лиги Наций. Автор пишет исключительно о единоличном лидерстве. «Кто блюстителем [православного] учения и [церковного] строя? Кто эта православная глава?» — задаётся он вопросами, предполагая только один ответ: такой главой «не может быть никто иной, кроме Вселенского патриарха». Отметим также, что для православной полемической литературы являлся характерным отказ признавать за епископом Римским какие-либо административные функции в масштабах всей Церкви. Претензиям на обладание «административным первенством» (греч. «διοικητικὸν πρωτεῖον») православные авторы противопоставляли готовность признавать исключительно «почётное первенство» (греч. «τιμητικὸν πρωτεῖον») за первенствующей в Церкви фигурой. Э. Лукарас, не обращая внимания на сложившийся богословский консенсус, рассуждает об «административном главенстве» (греч. «διοικητικὴ κεφαλή») и «административном начальстве» (греч. «διοικητικὴ ἀρχή») Вселенского патриарха в масштабах всей Церкви, что было не чем иным, как сознательным разрывом с предшествующей традицией.

Замечателен и во многом красноречив рисуемый им образ Вселенского патриарха в качестве *deus ex machina*: «иерархия и народ» России, как пишет Э. Лукарас, «ожидают бога из машины, и такого бога они получают в лице будущего патриарха Константинопольского»⁴. Учитывая сегодняшнее состояние греческого богословия, учащего о «богословском первенстве» и его триадологическом основании, употребление автором слова «бог» по отношению к Вселенскому патриарху приобретает прямо-таки зловеще-пророческое звучание. Но гораздо важнее то, что, с учётом истории православной экклезиологии, построения Э. Лукараса о роли и функциях первенствующего патриарха в самом деле возникают практически из ниоткуда, подобно соответствующему персонажу античного театра.

В свете современных дискуссий относительно понимания церковного единства важно отметить увлечение Э. Лукараса федеративной риторикой, в целом характерной для рассматриваемой эпохи и в основном именно для греческих авторов. Сегодняшняя непримиримость по отношению к образу Церкви как федерации лишена у греческих богословов даже тени самокритики и попыток показать, какими причинами объяснялось повсеместное присутствие федеративных построений у их же собственных предшественников.

Любопытно и то, что, в представлении Э. Лукараса, при условии признания административной роли Вселенского патриарха он может стать «наиболее подходящей фигурой для созыва всеправославных совещаний». А вот в отношении Вселенских Соборов автор куда более сдержан. Полагая, что «Вселенский патриарх сможет созвать Вселенский Собор», Э. Лукарас оговаривается:

«Однако данный вопрос принадлежит к числу наиболее сложных и трудноразрешимых, а потому требует длительного и обстоятельного изучения»⁵.

Таким образом, даже столь смело рассуждавший автор не спешил утверждать правомочность Константинопольского патриарха единолично созывать Собор всей Православной Церкви.

Также можно заметить отсутствие в лексиконе Э. Лукараса понятия «первенство». Он говорит о том, что «Константинопольская Церковь воспринимается как первая среди других патриарших и автокефальных

4 *Λουκαράς Ε. Σημασία ἐκλογῆς Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου // Πάνταινος. 1920. Τόμ. 12. Αριθ. 2. 10 Ἰανουαρίου. Σ. 33.*

5 *Λουκαράς Ε. Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Πάνταινος. 1920. Τόμ. 12. Αριθ. 30. 24 Ἰουλίου. Σ. 578.*

национальных Церквей», а её предстоятель «считается, по крайней мере в теории (*греч.* κατὰ θεωρίαν τοῦλάχιστον), высшим церковным начальником (*греч.* ἄρχων) православных». Упоминает он и о «первопрестолнии» (*греч.* «πρωτοκαθεδρία») и некоем «приоритете» (*греч.* «πρωτεράτης»), которыми обладает Вселенский патриарх и Константинопольская Церковь, но сам же сознаётся, что это «больше на бумаге», чем на практике. Именно поэтому он и призывает «создать один центр», но только «не теоретический, а реальный». Его явно беспокоила «теоретичность» всякого лидерства в Православной Церкви в новых политических условиях. Впрочем, такая откровенность ничуть не мешала автору в очередной раз декларировать, что патриарх Константинопольский «считался и считается высшим иерархическим главой всего православия» (*греч.* «ἡ ἀνωτέρα ἱεραρχικὴ κεφαλὴ τῆς καθ' ὅλου ὀρθοδοξίας»). Как согласуются все эти взаимопротиворечащие утверждения, понять нелегко. Хотя если читать его статьи одну за другой, можно заметить ещё одну логическую неувязку. К двум только что процитированным глаголам «считался» и «считается» у него добавится и форма будущего времени: патриарх Константинопольский «станет высшей административной главой Православия» (*греч.* «θὰ ἦνε ἡ ἀνωτάτη διοικητικὴ κεφαλὴ τῆς Ὀρθοδοξίας»), вследствие чего становится непонятно: почему то, что было и есть, снова должно стать таковым. Необходимость получить новое признание «иерархического главенства» Вселенского патриарха говорит лишь о том, что текущего и бывшего признания, если таковые и были, явно недостаточно в ситуации «нового мирового порядка».

Обилие будущего времени в завершающем тексте «Какова роль будущего Вселенского Патриархата» является принципиально важным. Ведь построения Э. Лукараса являются не фактическими, а программно-теоретическими. Он сам говорит:

«Такова в общих чертах та роль, о которой грезим и которая, хочется надеяться, ожидает будущих Вселенских патриархов»⁶.

То есть тот образ Константинопольского патриарха, который рисуется автором в 1920 г., ещё не существует на практике или существует лишь в самом зачатке. Э. Лукарас однозначно пишет о том, чего еще нет, и потому активно использует будущее время. Зная, что было дальше, следует отдать должное автору, потому что он в самом деле смог, как и сам выразился, «предсказать» роль будущих Вселенских патриархов.

6 *Λουκαῖς Ε.* Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Πάνταϊνος. 1920. Τόμ. 12. Αριθ. 30. 24 Ἰουλίου. Σ. 578.

Заключение

Статьи авторитетного церковного деятеля Э. Лукараса представляются нам важным историческим свидетельством, проливающим свет на те идейные процессы, которые протекали в греческом православии на заре новой эпохи. Неслучайно они привлекали и продолжают привлекать к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. По своему содержанию и значению эти публикации вполне могут быть приняты за одну из точек отсчёта в развитии представлений о роли Константинопольского патриарха в Православной Церкви в новейший период её истории. Для того чтобы они стали ещё более известными и доступными, в приложении мы помещаем их перевод.

Значение избрания Вселенского патриарха⁷

Кроме той великой скорби, которую мы испытываем, являясь непосредственными свидетелями неслыханного взаимного истребления в Европе на всех его этапах и на всём его протяжении, нас терзал ещё и страх относительно того, что же будет с нашим родом (*греч.* Γένος). Удержится ли он и на этот раз на плаву, или пойдёт ко дну под действием свирепых вод этого потопа? Род наш, изнурённый и подвергшийся испытанию, вновь выплывает (*греч.* ἐπιπλέει καὶ πάλιν), но опасности, угрожающие его существованию, не исчезли. Задачи, которые стоят перед ним и от решения которых зависит его жизнь или смерть, его расцвет или увядание, многочисленны и разнообразны. Задачи эти политические, экономические, социальные и церковные. И одной из безотлагательных задач является избрание Вселенского патриарха. Избрание это имеет двойкий характер: *православный*, поскольку, как известно, Константинопольская Церковь воспринимается как первая среди других патриарших и автокефальных национальных Церквей. Предстоятель этой Церкви считается, по крайней мере в теории (*греч.* κατὰ θεωρίαν τοῦλάχιστον), высшим церковным начальником (*греч.* ἄρχων) православных, какой бы национальности он ни был. Имеет оно и характер *национальный*, поскольку патриарх Константинополя после захвата города был признан завоевателями не только религиозным, но и национальным,

7 Впервые опубликовано в официальном издании Александрийского Патриархата «Пантен» 10 января 1920 г.: Σημασία ἐκλογῆς Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου // Πάνταινος. Τόμ. 12. Αριθ. 2. Σ. 29–33.

а отчасти и политическим лидером (*греч.* ἄρχων) всех православных народов, находящихся под османским владычеством. Посему становится ясным значение этого Престола и, как следствие, избрание патриарха⁸, особенно при нынешних обстоятельствах, когда ситуация в Восточной Европе полностью переменялась.

Византийская империя, душой которой являлся греческий этнос, владычествуя на протяжении многих веков на больших пространствах стран Европы и Азии, была духовной кормилицей (*греч.* τροφός) и цивилизатором (*греч.* ἐκπολιτιστρία) для всех народов как находящихся под её управлением, так и сопредельных ей. Именно византийцам обязаны своей религией и культурой (*греч.* τὸν πολιτισμὸν τῶν) русские, кавказцы (грузины), поляки, чехи, моравы, словаки, венгры, румыны, сербы, хорваты, болгары и албанцы. Духовным и религиозным воспитателем (*греч.* τροφός) всех этих народов был Константинополь.

Ужасающе ненасытному папизму удалось всевозможными способами обольстить и отторгнуть от православия некоторые из этих народов, а именно: поляков, чехов, моравов, словаков, венгров и хорватов, но он не перестал угрожать тем остальным, кто устояли в православии. Тем не менее оставшиеся православными европейские народы составляют 150 миллионов против 200 миллионов католиков и 130 миллионов протестантов. Во всяком случае, эти 150 миллионов православных получили культуру (*греч.* πολιτισμὸν) и религию от Константинополя и, следовательно, обязаны именно его признавать своей религиозной цитаделью (*греч.* θρησκευτικὴν τῶν ἀκρόπολιν)⁹. Эти народы, и мы вместе с ними, являемся чадами одной и той же матери — Византийской империи, после исчезновения которой последним её остатком (*греч.* ὡς τελευταῖον λείψανον αὐτῆς) оказалась Константинопольская Церковь. Гибель Византийской империи и захват её столицы иноверной державой не умалили силы её Церкви: и после завоевания Константинополя, и сейчас она воспринимается как религиозная цитадель всех православных народов. К сожалению, у нас, греков, отсутствует политический склад ума (*греч.* πολιτικὸς νοῦς), имевшийся у римлян и унаследованный папизмом. Если бы мы обладали политическим складом ума, Константинополь занял бы у православных народов то же положение, что Рим у католиков. К счастью, у нас отсутствует захватнический дух

8 В тексте очевидный сбой синтаксиса. По смыслу должно быть: «значение <...> избрания патриарха». — П. Е.

9 В греческом языке слово «ἀκρόπολις» используется для обозначения места, особым образом связанного с историческим развитием какого-либо народа или явления. — П. Е.

(греч. *κατακτητικὸν πνεῦμα*), присущий римлянам и перенятый папизмом, до сегодняшнего дня вдохновляющий народы Западной Европы и руководящий ими. Наш дух демократический, и именно такой дух воодушевляет (греч. *ἐμπνέει*) наши политические, общественные и церковные образования (греч. *συστήματα*). Если бы такой дух соединился и действовал вместе с политическим складом ума, положение эллинизма было бы иным, а его духовное верховенство (греч. *ἐκικυριαρχία*)¹⁰ и влияние были бы значительными к пользе окружающих нас народов и всего человечества. Верховенство (греч. *ἐκικυριαρχία*) Константинопольской Церкви, вдохновляемое этим духом, стало бы более прочным и надёжным, чем у папизма, угнетающего совесть и души народов. И всё же, несмотря на всю свою тиранию, всё своё противное цивилизованности действие (греч. *ἀντίπραξιν κατὰ τοῦ πολιτισμοῦ*), папизм остаётся как никогда прежде могущественным и цветущим, потому что у него есть системность (греч. *σύστημα*) и политический склад ума, отсутствующий у нас. Константинополь был и остаётся средством, через которое греческий род мог действовать, вдохновлять, влиять на миллионные народы для блага как их, так и самого себя. Но мы не только не поняли этого, не только ничего не сделали для поддержания этого потрясающего и мощнейшего средства, но эту самую Церковь умалили и низвели до уровня местечковых и национальных раздоров и пререканий, и всевозможным образом обесценили её, без того чтобы по крайней мере получить пользу в национальном отношении, как нам того хотелось (греч. *χωρὶς τοῦλάχιστον νὰ ὠφεληθῶμεν ἐθνικῶς ὁπῶς ἐνομίζομεν*). Если и бывали патриархи с более широким взглядом на вещи, воспринимавшие себя лидерами (греч. *ἀρχηγούς*) всех православных, то они оказались поруганы, особенно после образования Греческого королевства, результатом чего стал узкий взгляд на вещи, тенденция к грецизации всего на свете (греч. *ἐλλαδικοποίησιν τῶν πάντων*), забвение прошлого и происходящее отсюда бесчувствие (греч. *ἀναίσθησία*) в отношении его величия, наши неуместные и неразумные окрики и оскорбления в адрес любящих нас народов, в адрес сопредельных и соседних с нами народов — всё это привело к охлаждению тех народов и к тому, что они стали относиться с равнодушием и почти с враждебностью к той общей матери всех православных народов — Константинопольской Церкви.

В юрисдикцию Константинопольской Церкви прежде входили (греч. *ὀπίγηοντο*), как известно, все православные народы Европы, и от этой

10 У греческого слова «*ἐκικυριαρχία*» есть и терминологическое значение: «сюзеренитет». — П. Е.

Церкви получили свободу (*греч.* ἐχειραφετήθησαν) все национальные Церкви России, Кавказа, Румынии, Сербии и, мы надеемся, что в скором времени и Болгарии. Все эти Церкви вместе с Церковью Греции занимают место дочерей по отношению к общей и, следовательно, вселенской матери. Какова же честь для нашего рода в том, что эта вселенская мать Церквей — греческая и находится на греческой земле? Но мы не осознали этого, и не повели себя правильно, и вместо того, чтобы получить пользу, имея такой бастион (*греч.* προῤυριον), проиграли. И ошибки продолжают совершаться дальше.

Мы узнаём, что руководящие делами Церкви и государства думают над тем, чтобы объединить автокефальную и национальную Церковь Греции с Церковью Константинополя якобы для усиления последней. Если это в самом деле произойдёт, это станет последним и окончательным ударом по тому последнему, что осталось от великого прошлого. Поскольку Константинопольская Церковь, вселенская мать всех православных народов Европы, имеющая всеправославный характер, объединившись с Церковью Греции, сойдёт на уровень поместной (*греч.* τοπικής) национальной греческой Церкви. И в таком случае, в чём будет состоять её вселенскость? Или, быть может, мы настолько глупы, чтобы полагать, что другие православные национальные Церкви будут дальше признавать материнство и вселенскость такой Церкви? Декларируемая идея об её усилении несерьёзна, поскольку авторитет и сила Константинопольской Церкви не проистекают и не должны проистекать из числа епископов или верующих, но из истории, прошлого и её назначения. Если мы перенесём нашу борьбу на это поле, увы нам! Мы почти что самый маленький из всех православных народностей (*греч.* ἐθνῶν) Европы. Церковь Константинополя, даже если будет ограничена одной только столицей, должна остаться выше (*греч.* ὑπεράνω) всех поместных (*греч.* τοπικῶν) национальных Церквей, сохраняя таким образом своё материнство и вселенскость. Если же вдохновители подобных решений снова пренебрегут прошлым и захотят заключить всё в границы маленького греческого государства, тогда нашим долгом будет протест. Мы надеемся, что род этот в конце концов придёт в себя (*греч.* θὰ ἀνανήψει).

После всех разделений и случаев вражды, которые были у нас, народов Восточной Европы, рано или поздно мы окажемся перед необходимостью согласия и примирения. После морального банкротства Западной Европы нам, имеющим более открытое сердце (*греч.* ἔχοντας πλείονα καρδίαν) и более широкие и возвышенные представления (*греч.*

ἐμπνεύσεις) о культуре и гуманизме, надлежит потрудиться для подъёма (греч. ἀνάστασις) стонущей под гнётом материализма и техники (греч. μηχανισμοῦ) Европы. Свет с востока. Каким же будет наш центр и что будет нас связывать (греч. ὁ δεσμός μας)? Центр такой существует: это общая мать, Церковь Константинополя, увековечивающая (греч. διαϊωνίζουσα) византийскую историю и византийские предания. И какова слава и честь в том, что эта Церковь ещё и греческая? Но и с чисто православной точки зрения, единственным подходящим центром по причине истории, преданий, географии, будущей международной роли является Константинополь, подлинная царица городов.

В свете всего сказанного мы призываем руководителей этой Церкви приступить к избранию Вселенского патриарха, согласно обычаям и порядку, известному из прошлого. Пусть будет избран наилучший среди всех греческих иерархов, невзирая на то, принадлежит он или нет юрисдикции того или иного престола. Мы говорим наилучшего, потому что роль этого патриарха велика не только с национальной, но, прежде всего, с международной и всеправославной точки зрения. Великая и единоверная нация (греч. ἔθνος), Россия, сотрясается и терзается, а её иерархия и народ (греч. λαός) ожидают неожиданной развязки (греч. ἕνα ἀπὸ μηχανῆς θεόν)¹¹. И такого бога [из машины] они получают в лице будущего патриарха Константинопольского (греч. τὸ θεὸν τοῦτον θὰ τὸν εὖρουν ἐν τῷ προσώπῳ τοῦ μέλλοντος Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως). Но и другие политические перемены у других православных народов — румын, сербов, болгар — требуют явления мудрого, рассудительного и политически грамотного (греч. πολιτικοῦ) патриарха.

Женева, 30 декабря 1919 г.

Константинополь — центр Православия¹²

Несмотря на отчаянные старания папизма, Константинополь, который вместе с проливами скоро будет освобождён, приближается к своей

11 Автор использует греческое соответствие фразы *deus ex machina*. — П. Е.

12 Публикация данного текста была анонсирована в официальном издании Александрийского Патриархата «Пантен», но в силу изменившихся обстоятельств статья так и не вышла. Её первым изданием стала публикация в официальном издании Константинопольского Патриархата «Церковная истина» 31 октября 1920 г.: Ἡ Κωνσταντινουπόλις κέντρον Ὁρθοδοξίας // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. Ἔτος 41. Αριθ. 43. Σ. 399–401. В примечании от редакции в конце статьи сказано: «К данной статье, которую мы публикуем в духе беспристрастности (греч. ἐκ πνεύματος ἀμεροληψίας), и к последующим за ней ряд замечаний

интернационализации. Это великое благо не только для его жителей, не только для нации (*греч.* ἔθνος), которой он родовым образом (*греч.* φυλετικῶς) принадлежит, но и для всего православия, центром и очагом (*греч.* ἐστία) которого этот город являлся. С того самого дня, как первый христианский император, обосновавшись в Византии, стал основателем Византийской империи, с тех пор этот город приобретает христианский характер, становясь в полном смысле слова центром и душой православия. Но город этот являлся центром православия не только потому, что на протяжении многих веков был столицей великого христианского государства, но ещё и потому, что от этой Церкви получили просвещение и были привлечены в христианство народы Средней и Восточной Европы. Папизм сумел совратить и отторгнуть некоторые из этих народов, но даже те, что остались, составляют значительную массу (*греч.* μάζαν ἰσχυράν) в 140 миллионов. Все эти народы считают духовной матерью и воспитателем Константинополь, от которого они получили просвещение. Константинопольская Церковь, всегда вдохновлявшаяся свободолюбивыми и демократическими принципами, распространив христианство у этих народов, вскормив и воспитав образовавшиеся национальные православные Церкви этих народов, предоставила им затем свободу как автокефальным Церквам, передав им попечение о своём внутреннем управлении. Таким образом, Константинопольская Церковь по праву считается матерью всех сформировавшихся национальных Церквей, а её предстоятель (*греч.* προκαθήμενος) — всеправославным, или Вселенским, патриархом.

Все православные народы, а больше всех — греческий, в ходе их исторического развития в последние века претерпевали бедствия и разрушения, боровшись и борясь против врагов с Востока и Запада. Ещё сейчас православный русский народ сотрясается, терзается и сильно страдает, но надеемся, что совсем скоро он, придя в себя и очистившись от тяжкого греха большевизма (*греч.* ἀποκαθαίρομενος τοῦ πολυσεβιτικοῦ ἁγούς), выйдет из этого страшного испытания более сильным и более православным. Эти великие бедствия, обрушившиеся на головы восточных православных народов, отразились и на Православной Церкви: её ослабление достигло такой меры, что на ликующем Западе она стала восприниматься как уже умершая. Однако после совсем недавно

сделает (*греч.* θὰ ἐπιφέρῃ ὀρισμένης παρὰ τῆρῆσεις) Преосвященный Митрополит Дарданельский г. Ириней». Впрочем, после публикации всех трёх статей Э. Лукараса никакой заметки со стороны названного председателя редакционного совета на страницах издания не последовало.

минувшего неслыханного потрясения, начал проступать новый мировой порядок (*греч.* νέα τάξις πραγμάτων). Розоперстая Эос вновь начала бросать свои первые лучи на купол Святой Софии, что предвещает воскресение православия, но воскресение это предполагает труд, программу и организованность. В то время как папизм, выстроенный в величественную и грозную систему, представляет собой наибольшую нравственную и духовную силу, каковую знал мир, Православная Восточная Церковь оказывается в какой-то дезорганизации. Её дезорганизация и распад (*греч.* ἀποσύνθεσις καὶ διάλυσις) приобретёт ещё больший масштаб, если мы в настоящее время не опомнимся, приняв соответствующие меры. Любой организм — физиологический, общественный, политический или церковный — не в состоянии функционировать без сердца и головы. Мы же безуспешно пытаемся найти эту голову и это сердце православия. Правда заключается в том, что и древние патриаршие Церкви, и сформировавшиеся впоследствии национальные Церкви России, Греции, Румынии, Сербии и Болгарии признают определённый приоритет (*греч.* προτεραιότητα τινα) за Константинопольской Церковью, но приоритет этот больше на бумаге (*греч.* ἀλλ' αὕτη εἶνε μᾶλλον ἀκαδημαϊκή). В тот самый момент, когда мы обсуждаем с Англиканской Церковью объединение Церквей, Православные Церкви, отделённые одна от другой, имеющие единственным связующим звеном общую веру, находятся в полной административной дезорганизации. Очевидно, для нас настало время задуматься, как было бы возможно создать один всеправославный центр и где было бы возможно определить этому центру местонахождение.

Так сложилось, что каждая православная нация сформировала и свою национальную Церковь, так что сейчас существуют четыре древние патриаршие Церкви и образовавшиеся впоследствии национальные Церкви. Каждая автокефальная Церковь, будь то патриаршая или национальная, имеет свободу в управлении своими внутренними делами, которую никто не намеревается отнимать. Но какая Церковь представляет (*греч.* ἀντιπροσωπεύει) всё православие? Кто-то скажет: все вместе. И всё же, как может возникнуть единство православия без центра, без некой главы? В политических и общественных системах также возможно наличие полной свободы отдельных частей, и все они вместе могут составлять одну федерацию (*греч.* ὁμοσπονδία), но эта федерация предполагает [наличие] одного центра и одной главы, одного центрального бюро, одного высшего федеративного совета и так далее. Однако если взять Православную Церковь в целом,

то какова её административная глава и каков её административный центр? Когда возникнет какой-нибудь догматический, канонический, богослужебный (*греч.* τελετουργικόν) или любой другой вопрос, какая Церковь возьмет на себя инициативу созыва богословской конференции или Собора для его обсуждения и разрешения? Ведутся разговоры о соединении Церквей Англиканской и Православной, куда будут обращаться англикане по этому вопросу? Некоторое время назад начало выявляться определённое движение в сторону всехристианского согласия и взаимопонимания, в сторону всехристианской федерации, в сторону всехристианского единства. К какому центральному органу [власти] (*греч.* κεντρικήν ἀρχήν) Православной Церкви, в какое центральное бюро обращаться тем, кто выступает с подобными инициативами? Ведутся разговоры о реформах, о женатом епископате, о постах и степенях родства в браке — мы согласны, но какая Церковь возьмёт на себя инициативу без опасения подпасть под публичное осуждение остальных? Всё это доказывает, что административного единства православия не существует. Таким образом, мы придерживаемся мысли о том, что должен быть создан один центр, и не теоретический, а реальный.

Этот всеправославный центр не может находиться ни в Афинах, ни в Москве, ни в Бухаресте, ни в Белграде, ни в Софии, но только в Константинополе. И вот по каким причинам. С исторической точки зрения, будучи основан первым императором-христианином, этот город приобретает христианский характер и делается душой и сердцем православия. В этом городе и рядом с этим городом созывались Вселенские Соборы и были сформулированы символы и догматы. Предстоятелями Церкви этого города являлись величайшие риторы и учителя христианства. Этот город веками служил оплотом христианства и о его стены разбивались шедшие из Азии волны варваров. Но что важнее всего, из этого города христианство распространялось среди народов Средней и Восточной Европы. А Церковь этого города сперва веками духовно вскармливала и опекала православные народы, а впоследствии давала самостоятельность и объявляла автокефальными сформировавшиеся национальные Церкви. Но и с географической точки зрения невозможно найти более подходящего места для учреждения всеправославного центра. Находясь между Европой и Азией, издревле выступая связующим звеном между севером и югом, всегда служа местом встречи всех соседних и окрестных народов Причерноморья и Восточно-Средиземноморского бассейна, город этот является наиболее подходящим местом для учреждения и функционирования в нём

центра любого рода и тем более церковного. А если к исторической и географической добавим и политическую точку зрения, которая состоит в скорой интернационализации этого города вместе с проливами и упразднении таким путем этнического соперничества между православными нациями, то не сможем найти более подходящего места для учреждения и выдвижения единого всеправославного центра. Поскольку этот город и этот центр имеют греческий характер, то новые горизонты деятельности и славы вновь открываются перед греческим духовенством. Но излагая всё вышесказанное, мы испытываем, конечно, некое смутное опасение: не упустят ли они снова этот шанс, не окажутся ли недостойными обстоятельством, будучи зажаты узконациональными представлениями? В таком случае мы не можем не предъявить им такое мощное сооружение, как Ватикан. Рим является столицей государства Италия, но одновременно и всемирной столицей католицизма. Папа является итальянцем по происхождению, по ощущениям и языку, но это не мешает ему стоять выше наций и народов, выше политических и общественных систем и быть церковным правителем (ἄρχων) народов числом более трёхсот миллионов. Мы не за то, чтобы установить папскую систему, ни тем более провозгласить папу. Мы за то, чтобы в православии воцарился единый порядок, единая гармония, единая логика и соответствующее обстоятельствам управление. И никакой порядок, гармония и каноническое управление не могут существовать без центра, без главы. Таким центром по изложенным выше причинам не может быть ничто, кроме Константинополя.

Федерация Православных Церквей¹³

При изучении устройства и характерных особенностей разных христианских Церквей можно сделать следующее наблюдение. Латинский Запад со своим сильным интеллектом и практическим складом ума сумел сплотиться в большое и непоколебимое строение, которое словно неприступная крепость на протяжении веков выдерживает все нападения и все исторические перемены. И сегодня он всё ещё представляет

13 Впервые опубликовано в официальном издании Александрийского Патриархата «Пантен» 31 июля 1920 г.: Ὁμοσπονδία τῶν Ὀρθοδόξων Ἐκκλησιῶν // Πάνταινος. Τόμ. 12. Αριθ. 31. Σ. 596–601. 14 ноября 1920 г. статья вышла в официальном издании Константинопольского Патриархата «Церковная истина»: Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. Ἔτος 41. Αριθ. 45. Σ. 421–424. Отмеченная угловыми скобками фраза при перепечатке была изъята цензурой.

собой наибольшую нравственную и духовную силу, которую когда-либо знал мир. Тогда что происходит у нас, православных народов, в частности, у греков? Не имея политического и организаторского склада ума, мы не преуспели в создании чего-то устойчивого и неодолимого. Как на политическом уровне мы не преуспели на протяжении веков в построении такой государственной системы, которая возобладала бы, всецело объяла и сплотила бы нас и некогда не имевшие своего государства соседние народы в едином политическом и национальном образовании, точно так же и на политическом¹⁴ уровне мы оказались неспособны создать нечто устойчивое и сколь бы то ни было вековечное. Мы не смогли выстроить церковную систему, способную устоять и произвести впечатление (*греч.* *νὰ ἐπιβληθῆ*). Если бы мы имели политический склад ума, Константинополь, несмотря на все случаи его захвата и порабощения, играл бы особую роль среди православных народов, такую же, как Рим среди католиков. И эта роль была бы ещё более превосходной, поскольку подпитывалась бы демократическим духом, который отличает эллинизм и вдохновляемые им Церкви. А поскольку церковную систему выстроить не получилось, то не было и возможности для существования самодостаточной и независимой Церкви. Мы смешали Церковь и нацию и привнесли такую путаницу и беспорядочность между двумя этими факторами, что оказывается трудно разграничить их и различить. Это стало причиной двух несчастий. Первое [состоит в том], что Церковь, сплетённая и смешанная с нацией, практически не имеет индивидуального лица и своей ипостаси (*греч.* *ἰδίαν πρὸς ὠλικότητα καὶ ὑπόστασιν*) и, как следствие, не имеет и независимости. А второе [несчастье заключается в том], что при таких условиях не может осуществиться единство православия, поскольку православные нации пребывают в постоянных конфликтах и войнах, а образовавшиеся национальные Церкви вынуждены следовать за своей нацией в перипетиях её судьбы. Таким образом, в противоположность латинской Церкви, которая представляет собой самодостаточную, неделимую и независимую систему, стоящую вне и выше (*греч.* *ἐκτὸς καὶ ὑπεράνω*) наций, систему устойчивую и мощную, испытанную на протяжении веков, наша православная Церковь, с точки зрения единства, мощи и управления, находится в полной дезорганизации. Эта дезорганизация больше всех остальных православных народов тяготит нас, греков, потому что мы были теми самыми создателями (*греч.* *ἡμεῖς εἵμεθα οἱ δημιουργοί*), мы были её обладателями и распорядителями (*греч.* *οἱ*

14 Здесь явная ошибка и повтор. По смыслу должно быть: «церковном». — П. Е.

κάτοχοι καὶ διαχειρισταὶ αὐτῆς) на протяжении многих веков, от нас зависело создание той или иной церковной системы, устойчивой и прочной. Если бы такая церковная система существовала, то папизм не причинял бы нам вреда и не отторг бы от православия сорок миллионов христиан. И сегодня православные народы всё ещё остаются добычей для других Церквей, которые, являясь в овечьей шкуре, пользуясь нашими несчастьями и нашей церковной дезорганизацией, ежедневно отторгают и оболещают тысячи православных. Наши Церкви являют собой образ древнего эллинизма, который вместо того, чтобы объединиться и организовать в государственную систему, использующую творческий потенциал и превосходство греческого духа, чтобы раз и навсегда возобладать над человечеством, был разделён на мелкие государства (*греч.* μικρὰ κράτεια) и полисы (*греч.* πόλεις), воюющие друг с другом и сами разрываемые войнами. Конец этому известен. То же самое мы рискуем получить и в церковном плане. Даже если латинская или иная Церковь не добьётся того, чтобы нас поглотить или подчинить, то наши Церкви в любом случае останутся маленькими, незаметными, разрозненными и подчинёнными государствам, без свободы и самостоятельного существования (*греч.* πρόσωπική ύποστάσεως).

Следовательно, необходимо думать в другом направлении. Создание церковной системы, подобной папской, мне представляется невозможным. Во-первых, потому что уже слишком поздно; во-вторых, нам недостает организаторских способностей; и в-третьих, потому что различные национальные Церкви настолько укоренены, настолько сплетены со своими народами, что с трудом можно будет отличить и отделить церковный элемент от национального и, даже отделив и взяв первый из них, едва ли удастся выстроить чисто церковную систему выше и вне наций. Но раз уж худо-бедно так получилось, что у нас есть национальные Церкви, раз уж эти национальные Церкви мы подчинили и поставили в зависимость от государств, добываясь их милости, чтобы не умереть от голода, раз уж до сих пор мы были неспособны сформировать какой-нибудь прочный и общепринятый (*греч.* νόμιμον) церковный строй (*греч.* καθ'εστώς), то что же мешает нам, отступив от царивших доселе безучастности и самоумаления (*греч.* ἐξερχόμενοι τῆς μέχρι σήμερον ἀφανείας καὶ ταπεινώσεως), образовать, по крайней мере, некую православную федерацию?

Здесь возникают три вопроса. Эта православная федерация, необходима ли она? Возможна ли она? И где следует расположить центр православной федерации?

О том, что необходимы согласование позиций и коалиция (*греч.* συνασπισμός) всех Православных Церквей мы уже достаточно сказали в других наших работах, но и сейчас скажем несколько слов. Существует ли единство православия? И если существует, то где голова, где сердце и каков её центр? Ищем всё это и не находим. Православие имеет определённое догматическое и нравственное учение, имеет определённый канонический строй, которым руководствуется. Но кто блюститель этого учения и этого строя? Когда появится какая-нибудь ересь, когда возникнут канонические вопросы, кто выступит с инициативой их решения? <Папизм желает либо подчинения, либо изничтожения православия.> Кто эта православная глава, которая наставит православие и примет требуемые меры для его защиты и спасения? Между Православной и Англиканской Церквями существует вопрос об объединении: где тот центр православия, к которому обратятся англичане или который выступит с инициативой переговоров? Совсем недавно митрополит Афинский, объезжая Америку и Англию в сопровождении видных богословов, вступал в контакт и [вёл] богословские дискуссии по данному вопросу с англиканскими епископами и богословами. Но какую Церковь он представлял? Разумеется, ту, предстоятелем которой он является. Но она всего лишь одна из многих. Что думают об этом остальные Православные Церкви? Происходило ли когда-нибудь совместное обсуждение этого вопроса? И в тот момент, когда мы стремимся объединиться с англиканами, не возникает ли опасения: как бы мы, будучи уже православными (*греч.* ἡμεῖς οἱ ὄντες ἤδη ὀρθόδοξοι), не разобщились совершенно? Совсем недавно началось широкое обсуждение церковных реформ в Константинополе и в Афинах касательно женатого епископата, поста, степеней родства и тому подобного. Очень хорошо, мы согласны. Но что думают об этом остальные Православные Церкви? Или разве мы представляем всё православие? А если вы, реформаторы (*греч.* οἱ μεταρρυθμισταί), примете какое-нибудь решение, которое отвергнут остальные Церкви, что тогда будете делать? Или вам это безразлично? Мы предлагаем этим ревнителям реформ немного поумерить свой пыл, нам бы сперва преуспеть в том, чтобы заполучить единую административную систему, только непременно жизнеспособную, провести переговоры и с остальными Православными Церквями и тогда уже сообща приниматься и за дело реформирования.

На основании вышесказанного читатель может заключить, что единства православия не существует. Для того чтобы оно стало

существовать, необходимы согласование позиций и совместное обсуждение (*греч.* σύσκεψις) всех Православных Церквей с целью образования того или иного церковного строя (*греч.* ἐκκλησιαστικῶ καθεστῶτος).

Переходим ко второму вопросу. Возможна ли эта предлагаемая федерация Православных Церквей? Возможна, но при одном условии. Нужно раз и навсегда отделить национальные вопросы от церковных. Каждый православный христианин принадлежит к одной нации, которую он должен любить и защищать. Это его долг и право. Было такое время, когда наш род мог оказывать влияние благодаря своему интеллектуальному превосходству и эллинизировать если и не все православные, то, по крайней мере, балканские народы. Мы же оказались неспособны к этому, потому что никогда не имели ни потребного склада ума, ни системности (*греч.* σύστημα). Теперь уже слишком поздно. Все народы мира уже пробудились, и каждый из них обрёл национальное самосознание. Грек останется греком, болгарин — болгарин, а русский — русским. Если мы продолжим считать, что, используя Церковь, мы сможем доминировать как нация (говорю про всех), мы горько заблуждаемся. Пришло время оставить эту игру. Православные народы всегда будут иметь конфликты, раздоры и свои войны, но православие должно оставаться выше этого, незапятнанным. Когда для достижения национальных целей одна православная нация использует Церковь, тогда она раскалывает её единство. Во время минувшего неслыханного потрясения многие, если не все, католические нации возмущались Ватиканом потому, что он не принимает активного участия, не одобряет одних и не осуждает других. Однако Ватикан в тот момент хранил полное молчание, изображал скорбь и проливал слёзы о страждущем человечестве, посылал благопожелания и благословения всем католикам всех армий (*греч.* στρατοπέδων), вне зависимости от национальности и языка, занимался благотворительностью, а итогом стало то, что папизм вышел из этой войны как никогда крепким и цветущим. И вновь повторю: в этом мудрость.

Образовавшиеся у нас автокефальные национальные Церкви конечно же будут обязаны и в дальнейшем следовать за национальными перипетиями своих наций, но православие в целом, как особая религиозная ипостась (*греч.* ἰδιαιτέρα θρησκευτικὴ ὑπόστασις), и та его глава, которая будет определена впоследствии (*греч.* ὀρισθησομένη), должны стоять вне и выше наций. При таких и только при таких условиях, по нашему мнению, возможны договорённость, коалиция и федерация Православных Церквей.

Теперь, какими могли бы быть глава и центр этой федерации Православных Церквей? Соответствующий центр существует, как мы уже показали в другой нашей работе. Это Константинополь. Только он один отвечает всем историческим и географическим параметрам для того, чтобы стать всеправославным центром.

Основателем этого города был первый император-христианин. В этом городе и рядом с ним созывались Вселенские Соборы. В нём и рядом с ним были сформулированы символы [веры] и догматы. На протяжении многих веков он являлся сердцем и оплотом православия, и Церковью этого города были просвещены и привлечены в христианство все народы Восточной и Средней Европы, а впоследствии получили от неё самостоятельность как автокефальные и национальные Церкви. Предстоятель этой Церкви считался и считается высшим иерархическим главой всего православия (*греч.* ἐθεωρεῖτο καὶ θεωρεῖται ὡς ἡ ἀνωτέρα ἱεραρχικὴ κεφαλὴ τῆς καθ' ὅλου ὀρθοδοξίας). Посему никакой другой город не обладает таковыми качествами для того, чтобы также выдвинуться в качестве центра православия и церковной столицы федерации Православных Церквей. Но для того, чтобы это случилось, требуются рассудительность и осмотрительность. Между православными нациями существуют национальное соперничество и антагонизм, которые необходимо учитывать. Греческая нация была бы счастлива и горда лицезреть, как этот город становится центром православия, а его епископ возвышается над нациями и племенами, как видимая глава и общее связующее звено (ὁρατὴν κεφαλὴν καὶ κοινὸν δεσμόν) всей федерации Православных Церквей.

Женева

Какова роль будущего Вселенского Патриархата¹⁵

Совсем скоро в «Пантене» будут опубликованы две работы «Константинополь — центр Православия» и «Федерация православных Церквей». Основываясь на них, читатели с лёгкостью смогут предсказать (*греч.* νὰ μαντεύσουν), какую роль Константинополь как особенный православный

15 Опубликовано в официальном издании Александрийского Патриархата «Пантен» 24 июля 1920 г.: Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Πάνταινος. Τόμ. 12. Αριθ. 30. Σ. 576–579. Статья вышла с купюрами в официальном издании Константинопольского Патриархата «Церковная истина» 21 ноября 1920 г.: Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. Ἔτος 41. Αριθ. 46. Σ. 427–429. Изъятие цензурой фрагменты отмечены угловыми скобками.

центр и та особенная церковная система, каковой является система федеративная, уготовляют будущему или будущим Вселенским патриархам. Резюмируем сказанное в следующих общих чертах.

- 1) Вселенский патриарх в силу носимого им титула, в силу первопрестолия (*греч. πρωτοκαθεδρίας*) и того приоритета (*греч. προτεραιότητος*), которое придали ему исторические обстоятельства и длительный обычай (*греч. μακρὰ συνήθεια*), сможет, пользуясь политическими переменами, объявить себя независимым от всякой политической власти, но <не в смысле *Souverain*, кириарха, как папа, устанавливая государство в государстве, а> в церковном понимании, то есть что в своём качестве высшего административного органа всего православия (*греч. ἀνωτάτη διοικητικὴ ἀρχὴ τῆς καθ' ὅλου ὀρθοδοξίας*) и в осуществлении своих церковных обязанностей он не может находиться в подчинении никакой светской власти, будь то христианской или иной. С существующим в Константинополе политическим органом [власти], каким бы он ни был, будет заключён *concordat*, то есть соглашение, определяющее отношения двух независимых друг от друга органов [власти], духовного и светского. Положение Вселенского патриарха по отношению к православным монархам и в целом к православным формам правления (*греч. πολιτευμάτων*) будет состоять в полной независимости одних от других. Юрисдикция (*греч. δικαιοδοσία*) Вселенского патриарха будет чисто духовной и церковной, будет находиться выше и вне национальных и локальных интересов (*греч. ἐθνισμῶν καὶ τοπικισμῶν*), будет состоять в высшем надзоре (*греч. ἀνωτάτην ἐπίβλεψιν*) над православием и мощь свою будет черпать в единстве и поддержке всего православия.
- 2) Вселенский патриарх в своём качестве — как высший административный церковный орган, как архиепископ отдельной (*греч. ἰδιαίτερας*) Церкви, от которой получили самостоятельность (*греч. ἐξαιραφετήθησαν*) все автокефальные национальные Церкви, — может, предварительно обсудив и согласовав (*греч. μετὰ προηγουμένην σύσκεψιν καὶ συνεννόησιν*), провозгласить административное единство православия в виде федеративной системы (*греч. ὁμοσπονδιακὸν σύστημα*). В соответствии с этой системой каждая национальная Церковь будет самоуправляемой и независимой, но в интересах православия

и ради его единства должен существовать один общий центр, одна административная глава; и ею, в силу изложенных ранее причин, не может быть никто, кроме Вселенского патриарха, который впредь (*греч.* τοῦ λοιποῦ) будет представлять собой связующее звено и главу всех православных (*греч.* τὸν κοινὸν σύνδεσμον καὶ τὴν κεφαλὴν ὅλων τῶν ὀρθοδόξων).

- 3) Вселенский патриарх в качестве верховного церковного органа сможет объявить о независимости православия относительно национальных раздоров и конфликтов между православными народами, ставя Церковь в целом, как отдельную религиозную систему (*греч.* ἰδιαίτερον θρησκευτικὸν σύστημα), вне и выше национальностей, не позволяя Церкви в дальнейшем становиться орудием национальных воззрений и захватнических устремлений.
- 4) Поскольку Вселенский патриарх, как высшее церковное начальство, должен иметь своей высочайшей заботой любовь, согласие и мир между всеми православными народами и поскольку одному православному народу, а именно болгарскому, случилось отпасть от всего православия по причине не догматических вопросов вероучения, но канонических и племенных (*греч.* οὐχὶ διὰ δογματικὰ τῆς πίστεως ζητήματα, ἀλλὰ διὰ κανονικὰ καὶ φυλετικά), исчерпанных после объединения болгарского народа в независимое государство, то в первую очередь будущему патриарху необходимо заняться этим вопросом и, созвав местный Собор (*греч.* τοπικὴν Σύνοδον), упразднить этот раскол (*греч.* σχίσμα) и предать забвению это печальное происшествие¹⁶.
- 5) Вселенский патриарх как архиепископ Константинопольской Церкви, от которой уже получили или ещё только должны получить самостоятельность православные автокефальные национальные Церкви России, Греции, Сербии, Румынии, Болгарии и Грузии, сможет созвать эти автокефальные Церкви для обсуждения и согласования (*греч.* εἰς σύσκεψιν καὶ συνεννόησιν) с целью раз и навсегда определить отношения между

16 Но и с точки зрения национальных интересов (*греч.* ἀπὸ ἐθνικῆς ἀπόψεως) поддержание этого раскола не приносит нам никакой пользы, как показали события, потому что национальные вопросы решались и будут решаться мечом. Так вот, нам изострять меч нужно, если мы хотим своей целостности и свободы. Давайте оставим Церковь, преследующую другие цели, в покое. — Э.Л.

Матерью и дочерними Церквами. Может произойти пересмотр всех актов, чтобы в соответствии с национальным устройством православных народов были выданы канонические томосы, если таковые не были выданы ранее или же были выданы неправильно или в спешке, для получения полной самостоятельности православных Церквей на основании демократического и свободолобивого духа, который руководит всеми православными деяниями, и одновременно чтобы обсудить вопрос о титулах, которые будут носить предстоятели (*греч.* πρόεδροι) автокефальных Церквей до окончательного его урегулирования великим Собором (*греч.* ὑπὸ μεγάλης Συνόδου).

- 6) После того, как будет принято, что Вселенский патриарх станет высшей административной главой православия (*греч.* δεκτοῦ γενομένου ὅτι ὁ Οἰκουμενικὸς Πατριάρχης θὰ ἦνε ἡ ἀνωτάτη διοικητικὴ κεφαλὴ τῆς Ὁρθοδοξίας) как председатель¹⁷ федерации православных Церквей (*греч.* πρόεδρος τῆς ὁμοσπονδίας τῶν ὀρθοδόξων ἐκκλησιῶν), необходимо будет учредить в Константинополе высший церковный совет (*греч.* ἀνώτατον Ἐκκλησιαστικὸν Συμβούλιον), составленный из представителей всех православных Церквей, патриарших и национальных. Этот совет федерации (*греч.* ὁμοσπονδιακὸν συμβούλιον) под председательством Вселенского патриарха будет осуществлять высший надзор (*греч.* ἀνωτάτην ἐπίβλεψιν) над всем православием, заниматься общими вопросами и служить видимым центром всех входящих в федерацию православных Церквей. Поскольку Вселенский патриарх, как высшая административная глава православия, принадлежит не какому-то народу, но всему православию, единство которого он символизирует, славы и процветания которого он добивается, то подобающе и справедливо будет всем православным Церквам содействовать достойному содержанию (*греч.* να συντρέχουν εἰς τὴν ἀξιοπρεπῆ συντήρησιν) этого всеправославного центра. И это тоже должно стать предметом отдельного рассмотрения.
- 7) После упомянутого определения отношений Матери с дочерними Церквами, Константинопольский патриарх, как высшее административное начальство, будет наиболее подходящей

17 Слово «πρόεδρος» в греческом языке имеет ещё значение «президент», которое как раз используется для описания главенствующей фигуры в федеративных политических системах. — П. Е.

фигурой для созыва всеправославных совещаний (*греч.* συνέδρια) ради обсуждения и решения многочисленных вопросов внешней и внутренней жизни православия, например: о положении православия по отношению к прочим христианским группам (*греч.* ὁμάδων), о его защите от всех внешних и внутренних врагов, о борьбе с прозелитизмом, о распространении и расширении православия. Количество внутренних вопросов, относящихся к внутренней жизни православия, настолько велико, что не будем даже пытаться об этом говорить. Тем не менее всё это должно стать предметом изучения. После умиротворения и устройства православных народов, после формирования определённого церковного единства и после предшествующего длительного изучения и обсуждения на богословских конференциях (*греч.* συνεδρίων) вопросов, относящихся к компетенции Соборов, Вселенский патриарх сможет созвать Вселенский Собор. Однако данный вопрос принадлежит к числу наиболее сложных и трудноразрешимых, а потому требует длительного и обстоятельного изучения.

- 8) Вселенский патриарх в своём качестве высшего административного органа для значительной части христианства является подходящей фигурой и имеет все необходимые полномочия (*греч.* κῶρος) для созыва даже всехристианских совещаний (*греч.* συνέδρια) с целью обсуждения всеобщих интересов христианства, равно как и отношений христианских Церквей между собой и с миром.

Такова в общих чертах та роль, о которой грезим (*греч.* τὸ ὄπιόν ὀνειρευόμεθα) и которая, хочется надеяться, ожидает будущих Вселенских патриархов. И вновь повторю, что новые горизонты открываются перед греческим духовенством. Воспользуется ли оно этими обстоятельствами? <Константинопольский патриарх будет епископом города Византия, архиепископом остающихся вокруг него епископов, а также патриархом и предстоятелем всех христиан федерации. Он будет, по логике вещей, принадлежать к тому народу, епископом которого он будет, но как вселенский он станет всеправославным. Нынешние обстоятельства чрезвычайны, и мы находимся на пороге исторических перемен. К числу наиболее значимых относится роль будущего патриарха, а потому требуется великая осмотрительность при нахождении такового. Полагаем, что для его избрания нужно, чтобы были созданы все без исключения епископы Вселенского престола и путём прямого

и абсолютного голосования избрали наилучшего. Будущий патриарх должен придерживаться консервативных взглядов, быть глубоким знатоком церковных дел. Должен иметь всестороннее богословское образование, большой церковный опыт и возвышенный и безупречный характер. Искать такого следует среди всех иерархов Греческой Церкви.>

Женева

Источники

- Λουκαράς Ε.* Σημασία έκλογής Οικουμενικού Πατριάρχου // Πάνταινος, 1920. Τόμ. 12. Αριθ. 2. 10 Ιανουαρίου. Σ. 29–33.
- Λουκαράς Ε.* Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Πάνταινος, 1920. Τόμ. 12. Αριθ. 30. 24 Ἰουλίου. Σ. 576–579.
- Λουκαράς Ε.* Ὁμοσπονδία τῶν Ὀρθοδόξων Ἐκκλησιῶν // Πάνταινος, 1920. Τόμ. 12. Αριθ. 31. 31 Ἰουλίου. Σ. 596–601.
- Λουκαράς Ε.* Ἡ Κωνσταντινούπολις κέντρον Ὀρθοδοξίας // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1920. Ἔτος 41. Αριθ. 43. 31 Ὀκτωβρίου. Σ. 399–401.
- Λουκαράς Ε.* Ὁμοσπονδία τῶν Ὀρθοδόξων Ἐκκλησιῶν // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1920. Ἔτος 41. Αριθ. 45. 14 Νοεμβρίου. Σ. 421–424.
- Λουκαράς Ε.* Ποῖον τὸ ρόλον τοῦ μέλλοντος Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1920. Ἔτος 41. Αριθ. 46. 21 Νοεμβρίου. Σ. 427–429.

Литература

- Θλιβερὰ εἶδησις. Ὁ θάνατος τοῦ Ἐ. Λουκαρά // Νέα ἐφημερίς, Καθημερινή. Ἐν Ἡρακλείῳ. 14 Δεκεμβρίου 1924. Σ. 2.
- Τραγικὸς θάνατος ἀνωτέρου ὑπαλλήλου // Δημοκρατία. Ῥεθύμνον. 14 Δεκεμβρίου 1924. Σ. 3.
- † Ἐμμανουὴλ Λουκαράς // Πάνταινος, 1924. Τόμ. 16. Αριθ. 51. 20 Δεκεμβρίου. Σ. 873–874.